

DOI: 10.15372/HSS20190113
УДК 94(47)“1937”

П. КАЙЗЕР

**«ЭТА ИДИОТСКАЯ БЕСПЕЧНОСТЬ ЕЩЕ ДАЛЕКО НЕ РАЗГРОМЛЕНА».
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК ВЛКСМ А.В. КОСАРЕВ
И НАЧАЛО МАССОВЫХ РЕПРЕССИЙ В КОМСОМОЛЕ В 1937 г.**

Университет им. Альберта-Людвига, ФРГ, г. Фрайбург,
Rempartstr. 15, Freiburg, 79098, Germany

Цель данной статьи состоит в том, чтобы на примере деятельности генерального секретаря ЦК комсомола А.В. Косарева на начальном этапе сталинских репрессий еще раз критически рассмотреть существующие нарративы, создающие упрощенное представление о механизмах террора в СССР в конце 1930-х гг. Оценивая заново уже известные источники и дополняя их малоизвестным архивными материалами, автор приходит к выводу, что Косарев не был пассивным исполнителем «мудрых указаний» сверху, а старался использовать репрессии в своих целях. А это неизбежно вело к конфликтам с высшим партийным руководством, и в первую очередь с И.В. Сталиным.

Ключевые слова: Советский Союз, комсомол, А.В. Косарев, 1937 г., репрессии, Сталин.

P. KAISER

**„THIS IDIOTIC CARELESSNESS HAS NOT YET BEEN DEFINITELY ERADICATED“.
A.V. KOSAREV, THE GENERAL SECRETARY
OF THE KOMSOMOL CENTRAL COMMITTEE, AND THE BEGINNING
OF THE MASS REPRESSIONS IN THE COMMUNIST YOUTH LEAGUE IN 1937**

University of Freiburg, Freiburg, Germany
Rempartstr. 15, Freiburg, 79098, Germany

The main objective of this article is to analyze the first phase of Stalin's mass repressions against the top-ranking officials of the Communist youth league (Komsomol) in 1937. The study focuses in particular on the role of the Komsomol General Secretary A.V. Kosarev regarding the implementation of Stalin's murderous policy against the functionaries of the Komsomol at the onset of the Great Terror. Based on the widespread viewpoint that Kosarev's intentions were to temper the terror impact on his organization upper ranks, the article scrutinizes the meeting of Stalin and Kosarev 21 July 1937, and proves that such allegations are most likely unfounded. The reassessment of the well-known sources as well as new archival material led to the assumption, that Kosarev's role in Stalin's repressive policy was not only of a "pawn" on the chessboard of power, who followed his master's wishes blindly. On the contrary, the author shows that Kosarev was a single-minded, powerful functionary, who was keen to protect his own interests and tried to use the Great Terror to pursue his own goals. Even if he was seeking to mitigate the effects of the purges, his primary goal was to cover himself and his close associates against the possible accusations by NKVD. All his attempts to protect his promotees from the persecution and detention failed. Finally, he was forced to bend to Stalin's will; this helped him to avoid being arrested, even if not for a too long time.

Key words: Soviet Union, Komsomol, A. V. Kosarev, Great Terror, Stalin.

История ВЛКСМ, как официально именовался коммунистический союз молодежи с 1926 г., состояла не только из позитивных страниц и достижений. Конечно же репрессии 1937–1938 гг. не могли обойти стороной комсомол, являвшийся одной из централь-

ных общественно-политических организаций СССР и объединявший на 1936 г. в своих рядах около 4 млн юношей и девушек [1, с. 490; 2, с. 180]. Цель данной статьи состоит в том, чтобы показать постепенную «раскрутку» маховика террора в рядах комсомола на

Петер Кайзер – д-р ист. наук, Университет им. Альберта-Людвига, г. Фрайбург, ФРГ, e-mail: peter.kaiser@geschichte.uni-freiburg.de.
Dr. Peter Kaiser – lecturer at University of Freiburg, Freiburg, Germany.

протяжении 1937 г., уделив при этом центральное внимание роли в этом процессе его генерального секретаря А.В. Косарева, являвшегося не только одной из ключевых фигур советской сталинской номенклатуры, но и бывшего в силу своих официальных должностей (на 1937 г., помимо генерального секретаря ЦК ВЛКСМ, член ЦК ВКП(б) и его Оргбюро) абсолютно доминантной фигурой внутри комсомола и, таким образом, ответственным за проведение репрессивной сталинской политики в его рядах.

Большинство авторов, описывая деятельность Косарева в период сталинских репрессий, либо изображали его трагической жертвой сталинизма, который напрасно пытался вырвать своих соратников и друзей из рук тирана и поплатился за свое «вольнодумие» жизнью [3; 4; 5], либо пускались в ненужное психологизирование, скатываясь временами в сентиментально-романтический дискурс (см., например: [6, с. 380]). Одним из немногих советских (российских) историков, попытавшихся на солидной источниковой базе разобраться в роли Косарева в сталинской «чистке», был В.К. Криворученко, посвятивший этой тематике несколько публикаций [7; 8; 9] и пришедший к обоснованному выводу, что «одним мазком портрет Александра Косарева набросать невозможно – слишком колоритна и противоречива его личность» [10, с. 60].

Но даже такой знаток «комсомольских дел», как В.К. Криворученко, склонен был видеть в Косареве лишь пассивного исполнителя «приказов сверху», указывая на то, что «при всех положительных качествах Косарев оказался послушным «винтиком» в сталинском механизме тотального управления обществом» [10, с. 60]. Автор данной статьи также не склонен усомниться в преданности Косарева «вождю». Но мысль о пассивности Косарева, его роли как простого исполнителя воли «хозяина» и функции «винтика» в сложном механизме сталинской системы власти заставляет задуматься. По нашему мнению, при рассмотрении деятельности представителей советского партийно-государственного аппарата в эпоху террора второй половины 1930-х гг. следует отказаться от упрощенных схем и манихейского разделения мира на черное и белое. Вместо этого необходимо попытаться объективно разобраться в мотивации действующих лиц, скрывавшейся за конкретными решениями и связанной с реальными обстоятельствами.

Как уже было указано, одним из наиболее распространенных нарративов советской и в определенной степени постсоветской историографии при описании проведения репрессий в комсомоле является утверждение, что Сталин якобы заставил комсомольское руководство «чистить свои ряды» вопреки сопротивлению Косарева и его коллег из Секретариата ЦК комсомола. В подтверждение этого тезиса приводится обычно рассказ о встрече секретарей ЦК ВЛКСМ А.В. Косарева, П.С. Горшенина и В.Ф. Пикиной со Сталиным в Кремле 21 июля 1937 г. По словам Валентины Пикиной, единственной из участниц этой встречи, оставившей о ней воспоминания, разговор с «вождем» получился

трудный. Сталин упрекал Косарева в том, что ЦК комсомола не помогает органам внутренних дел разоблачать «врагов народа» в союзе молодежи, что без помощи ЦК ВЛКСМ и помимо него арестовано много руководящих работников комсомола [11, с. 121]. Чтобы подтвердить «документально» свои нападки, Сталин приказал находившемуся в кабинете Н.И. Ежова зачитать «показания» бывшего секретаря Саратовского обкома комсомола М.В. Назарова о своем «участии в антисоветской организации», что вызвало в свою очередь отрицательную реакцию В. Пикиной. Ее попытки защитить Назарова оказались, как и следовало ожидать, безрезультатными. Ежов ответил «тусклым, еле слышным голосом», что таковы «факты, которыми мы располагаем». Это вызвало протесты А.В. Косарева, заявившего, что «данные неверны». Сталин отреагировал на его реакцию новыми упреками и, заканчивая встречу, заявил: «Косарев, я вижу, вы не желаете возглавить эту работу» [3, с. 272-273].

На первый взгляд, ситуация более чем ясна. Тиранин вызывает к себе «лучших» представителей советской молодежи, требует от них принести в жертву их соратников, а когда те мужественно отказываются, то сами попадают под град упреков диктатора, грозящего им соответствующими «мерами», если те не пожелают «возглавить эту работу», т.е. заняться «разоблачением врагов народа» в комсомоле. Но при более пристальном изучении и сопоставлении с другими, ныне известными фактами, рассказ Пикиной представляется, мягко говоря, не совсем достоверным.

Начнем с того, что само описание сюжета составлено таким образом, чтобы вызвать у читателя представление о встрече как решающем поединке между добром и злом в стиле классического вестерна. Глава НКВД Ежов сведен до роли пособника злодея с «тусклым, еле слышным голосом», зачитывающего показания по приказу, в остальном пассивно наблюдающего за схваткой со стороны, в то время как Пикина и Косарев бьются из последних сил, стараясь предотвратить несправедливость, и даже находят в себе гражданское мужество открыто перечесть вождю.

Насколько эта картина далека от истины, станет ясным, если мы обратимся к записям дежурных секретарей кремлевского кабинета Сталина. Вечером 21 июля там было довольно многолюдно: В 17:10 был зарегистрирован приход В.М. Молотова и К.Е. Ворошилова, в 17:30 к ним присоединился Ежов, в 18:30 прибыл Г.М. Маленков, в 19:15 в кабинет Сталина вошел А.А. Жданов и, наконец, в 19:35 – Л.М. Каганович. Приход Косарева, Пикиной и Горшенина зафиксирован в 19:25; они пробыли у «вождя» почти полтора часа – вышли в 20:50. Через десять минут за ними вышли и остальные [12, с. 215–216]. То есть фактически мы имеем дело с заседанием узкого состава Политбюро, дополненного участием наркома внутренних дел Ежовым и заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б) Маленковым. Неужели эти представители высшего партийного руководства, пришедшие в тот вечер к Сталину, судя по всему, специально

для обсуждения положения в комсомоле, за полтора часа не проронили ни слова? Зачем же Сталин собрал своих верных соратников, если не для того, чтобы на их глазах и при их поддержке устроить головоломку Косареву и его спутникам за нежелание «разоблачать врагов народа в комсомоле»? И тут возникает вполне естественный вопрос: а был ли вообще повод для подобных упреков?

Не имея возможности осветить в данной статье все перипетии участия комсомола в борьбе с «врагами народа» в 1937–1938 гг. (подробнее см.: [13]), остановимся лишь на тех фактах, которые могут помочь разобраться в далеко не простой политике комсомольского генсека в 1937 г. Косарев внимательно следил за общим ходом ударов, наносимых из Кремля, главной мишенью которых в конце 1936 г. – первой половине 1937 г. стали, наряду с «хозяйственными» наркоматами и профсоюзами, периферийные партийные организации [14; 15; 16; 17], и старался не отставать от шагов, предпринимаемых Сталиным.

Для иллюстрации сказанного достаточно обратиться к событиям, разыгравшимся в начале 1937 г. в Украинской ССР. 13 января 1937 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «о неудовлетворительном состоянии партийного руководства» в Киевском обкоме КП(б)У и связанных с этим «ошибках» КП(б) Украины. Цель постановления состояла в том, чтобы подорвать позиции кандидата в Политбюро ЦК ВКП(б), второго секретаря ЦК КП(б)У и первого секретаря Киевского обкома КП(б)У П.П. Постышева. Для «разъяснения постановления» в Киев был направлен Л.М. Каганович, добившийся «полного одобрения» действий Москвы со стороны Политбюро ЦК КП(б)У, снявшего на своем заседании 16 января Постышева с поста первого секретаря Киевского обкома партии [18, р. 183; 19, р. 252–254].

Эта жесткая атака на одного из наиболее влиятельных партийных функционеров поставила Косарева в довольно затруднительное положение. Дело в том, что комсомол Украины сыграл не последнюю роль в раздувании культа Постышева [20, с. 16], да и сам Косарев в начале 1930-х гг. работал довольно долго в тесном контакте с Постышевым, бывшим тогда секретарем ЦК ВКП(б) и курировавшим «комсомольские дела». С поручением «разобраться в ситуации» Косарев отправил в Украину секретаря ЦК ВЛКСМ П.А. Вершкова, совершившего две длительные поездки по республике (с 16 по 28 января и с 29 января по 14 февраля 1937 г.¹) и отчитавшегося о «достигнутых результатах» 22 февраля 1937 г. на заседании бюро ЦК ВЛКСМ.

Чтобы понять, как украинский комсомольский актив отреагировал на давление, оказываемое на него Вершковым, и почувствовать атмосферу, вызванную его приездом, следует процитировать анонимное письмо, полученное Косаревым 16 февраля 1937 г., т.е. че-

рез два дня после отъезда его эмиссара назад в Москву. «Сидишь на совещании и волосы встают дыбом, когда слушаешь, как все выступающие рисуют обстановку в таких красках, которые только на пользу врагу (мол, все бюро обкомов нужно распустить, ибо там все завотделы негодные и сомнительные люди), что стал вопрос о 6 членах (из 12) бюро ЦК, что они негодны и их надо убрать из ЦК», – жаловался безымянный секретарь райкома, которого явно беспокоила атмосфера всеобщей подозрительности. «Каждый активист ходит и думает, что его подозревают, в нем сомневаются. Товарищи между собой не разговаривают, из-за боязни не влипнуть в какую-нибудь историю. Этому задал тон приехавший на Украину секретарь ЦК т. Вершков, который сам стал в роли главного следователя, беря чуть ли не всех активистов под сомнение»². То, что Вершков при оказании жесткого «нажима» на руководство украинского комсомола, выполнял в первую очередь поручение Косарева и сам вряд ли решился бы «лить грязь на наш актив» (как писал возмущенный автор анонимки), подтверждает и раздраженная реакция Косарева, усмотревшего в «этом письме» руку «какого-нибудь члена бюро ЦК или секретаря обкома» и потребовавшего от присутствовавшего на заседании секретаря украинского комсомола С. Андреева посмотреть письмо, чтобы проверить, «не знаком ли ему почерк»³. К сожалению протокол заседания не упоминает, удалось ли Андрееву опознать автора письма. Интересно то, что главной мишенью атак Косарева на этом заседании стал не глава украинского комсомола, которому до поры до времени удалось вынуть шею из петли, и уж, конечно, не Вершков, а первый секретарь Ленинградского обкома комсомола И.С. Вайшла. Именно ему разгневанный генеральный секретарь вменял в вину безалаберность и «политическую слепоту»⁴. В то время как в Украине при активной поддержке присланного Косаревым Вершкова наступил «самый настоящий разгар борьбы с врагами», что явно удовлетворяло комсомольского генсека, в Ленинградской области, где Вайшла не торопился бороться с «троцкистскими влияниями», царил, употребляя выражение Косарева, «кислая сметана». Так что не случайно на заседании бюро было принято решение «помочь» ленинградскому комсомолу «преодолеть» этот «недостаток» с помощью опробованного на Украине метода – послать туда одного из секретарей ЦК ВЛКСМ (на этот раз – второго секретаря ЦК Д.Д. Лукьянова)⁵.

Всего, по данным на 19 апреля 1937 г., за прошедшее полугодие было снято «за связи с контрреволюционными троцкистскими элементами» 147 руководящих комсомольских работников⁶. Следует еще раз подчеркнуть, что речь шла не о рядовых комсомольцах, а о представителях высшего и среднего руково-

² Там же. Д. 173. Л. 39–40.

³ Там же. Л. 67.

⁴ Там же. Оп. 3. Д. 173. Л. 97.

⁵ Там же. Л. 2.

⁶ Там же. Оп. 2. Д. 131. Л. 200.

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 2. Д. 131. Л. 196–199.

дящего звена. Так, в Азово-Черноморском крае среди снятых ответственных работников было 17 секретарей райкомов и горкомов и 7 работников обкомов и крайкома ВЛКСМ⁷, в том числе первый секретарь крайкома Константин Ерофицкий [7, с. 362]. В связи с арестом Ерофицкого Косарев выехал лично в Ростов-на-Дону, где на совещании комсомольского актива он обвинил арестованных в проведении «скрытой подрывной работы против Советской власти и ВКП(б)» и призвал искать врага «не только за пределами нашей страны», но и внутри ее [10, с. 62]. Эти «поиски» в Азово-Черноморском крае повлекли за собой настоящий разгром комсомольской организации⁸. Сам Ерофицкий, обозванный Косаревым «фашистским наймитом» [10, с. 62], был расстрелян 27 февраля 1937 г.⁹

Имеется еще ряд примеров, доказывающих, что Косарев не стоял в стороне при проведении «чистки». 17 июля 1937 г., за несколько дней до встречи с «вождем» в Кремле, Косарев послал Сталину и Ежову докладную записку, в которой требовал разрешения на снятие с работы и арест 11 членов и кандидатов в члены ЦК ВЛКСМ «за связь с врагами народа». Среди названных имен были бывший секретарь ЦК комсомола Таджикистана В.Н. Герасимов, бывший секретарь Кировского крайкома комсомола Г.Е. Урин, бывший секретарь Донецкого обкома комсомола А.С. Татарников, секретарь Красноярского крайкома комсомола Г.М. Большаков, бывший секретарь ЦК комсомола Туркмении А.К. Курылев, бывший секретарь Днепропетровского обкома комсомола А.И. Викторов, бывший заведующий отделом пионеров ЦК ВЛКСМ В.А. Мускин и др.¹⁰ 20 июля 1937 г. Косарев доложил тем же адресатам результаты «тщательной проверки» редакции «Комсомольской правды», последовавшей за арестом ее главного редактора В.М. Бубекина, согласно которой из 78 сотрудников 42 были сняты с работы¹¹. Активность Косарева в «разоблачении врагов народа» очевидна.

Так зачем же Сталин пригласил комсомольских секретарей к себе в Кремль и с какой целью собирал членов Политбюро? Почему Косарев, если верить Пикиной, был так возбужден после встречи с диктатором, что он, вместо того, чтобы отправиться домой, пошел вместе со своими товарищами в Александровский сад, где, выкуривая папиросу за папиросой и «удрученно мотая головой», все повторял: «Никак не могу понять, откуда у нас взялось столько врагов?» [21, с. 27].

Скорее всего, Сталин был недоволен общей политикой «комсомольца № 1». Дело в том, что Косарев не торопился признавать свои «ошибки» и посыпать голову пеплом, как это делали другие представители правящей элиты. Да, он «чистил» комсомол, но старался проявлять инициативу и активность только

тогда, когда это было или абсолютно неизбежно (как в случае с Украиной и Азово-Черноморском краем, где массивные атаки на локальные партийные структуры со стороны центра, учитывая тесные связи между комсомольскими и партийными руководителями, почти неминуемо влекли за собой аналогичные действия по отношению к комсомольским организациям) или же выгодно ему лично, позволяя продемонстрировать «большевистскую бдительность» за чужой счет. Показательным в этом отношении является, например, донос ответственного инструктора ЦК ВЛКСМ Нелепина на партийную организацию Верхне-Иртышского пароходства и связанные с ним нападки на партийное руководство Восточно-Казахстанского обкома партии, немедленно направленные Косаревым 14 апреля 1937 г. на имя Ежова¹².

Еще в своем выступлении на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. Косарев заверял Сталина в абсолютной преданности комсомола партийному руководству. Говоря о промахах ЦК комсомола, выразившихся в слабой постановке политической работы в ВЛКСМ и неудовлетворительном развитии самокритики и «внутрисоюзной демократии», Косарев не упустил случая свалить вину за это на партийные структуры и обещал перестроить работу комсомола «в духе решений настоящего пленума, в духе доклада т. Сталина»: «Для этого у нас есть силы, для этого у нас есть кадры» [22, с. 3–4]. Таким образом, Косарев давал понять, что менять руководство комсомола не следует; он сам займется перестройкой работы комсомола в духе решений пленума, т.е. усилит борьбу с «врагами народа», «пробравшимися» в комсомол и его руководство.

Исполнять данное партии обещание он, однако, не торопился. В то время как, например, первый секретарь ЦК ВЦСПС Н.М. Шверник, находившийся с начала 1937 г. в центре настоящего урагана критики, на шестом пленуме ВЦСПС, состоявшемся в апреле 1937 г. и длившемся невероятные девятнадцать (!) дней, балансировал на грани пропасти, вынуждаемый яростными выступлениями «представителей с мест» раз за разом подчеркивать свою «политическую слепоту», каяться во всех смертных грехах и признаваться в «необычайной засоренности врагами» центральных органов профсоюзов [23, р. 136–141; 24, р. 71–73], ничего похожего в комсомольском руководстве не происходило. Более того, позиция Косарева как «верного ученика Сталина» была еще настолько крепка, что даже «разоблачения вражеских сил» в комсомоле Украины и в редакции «Комсомольской правды» приписывались бдительности и решительному образу действий комсомольского генсека. «События последнего времени показали, насколько правильны были [...] предупреждения тов. Косарева о борьбе с вражеской агентурой в комсомоле», – ликовала редакция журнала «Юный коммунист» в июле 1937 г., снова и снова подчеркивая, что «ставка врагов на молодежь и в этот

⁷ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 131. Л. 200.

⁸ Там же. Л. 251–252.

⁹ Сталинские расстрельные списки. URL: http://stalin.memo.ru/regions/rp18_1.htm (дата обращения: 31.01.2019).

¹⁰ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1211. Л. 70–71.

¹¹ Там же. Л. 72–82.

¹² РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1210.

раз оказалось битой, как она была бита раньше и как будет бита впредь» [25].

Такая постановка вопроса шла вразрез с планами Сталина, запустившего маховик массовых репрессий не в последнюю очередь с целью уничтожить авторитет представителей партийно-советской элиты и разрушить выстроенные ими властные пирамиды. Излюбленным сталинским методом для достижения этой цели было использование инструмента критики и самокритики, заставлявшего советских функционеров своими руками истреблять выдвинутые ими же кадры. Так вынужден был поступить уже упоминавшийся Н.М. Шверник; эту же неблагодарную обязанность перенял на себя на прошедшем с 1 по 4 июня 1937 г. Военном совете нарком обороны СССР К.Е. Ворошилов (см. стенограмму Военсовета [26]). Похожие процессы происходили и в других организациях по всей стране. И лишь генсек комсомола не спешил следовать примеру профсоюзов или высшего военного руководства.

Недаром член Политбюро и секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Андреев, выступая на VII внеочередном пленуме ЦК ВЛКСМ в ноябре 1938 г., на котором Косарев был снят с поста руководителя комсомола, особо выделял, что «когда партия уже начала разоблачение врагов на различных участках партийной, советской, хозяйственной работы, приходилось не раз слышать от тов. Косарева, что в комсомоле с врагами дело обстоит несколько иначе, чем в партии». Ссылаясь на «разоблачения» Щацкина, Ломинадзе и других, Косарев пытался доказать, что комсомол «значительно раньше освободился от врагов», чем партийные структуры. Такие заверения, подчеркивал Андреев, прекратились лишь после прямого вмешательства Сталина, который, «уцепившись за некоторые факты, подвел дело прямо к разоблачению целой банды врагов в руководстве ЦК ВЛКСМ. [...] Вот как, товарищи, обстояло дело до IV пленума, который происходил в августе прошлого года»¹³.

Прекрасно осознавая, что открыто противиться репрессиям было бы равносильно самоубийству, Косарев хитрил, отводя главный удар «органов» от своего непосредственного окружения, переключая их внимание на маловажные периферийные организации. Чтобы понять эту тактику, обратимся еще раз к упоминавшейся выше докладной записке Косарева от 17 июля 1937 г.¹⁴ Из 11 членов ЦК ВЛКСМ, чье снятие с работы и ареста он добивался у Сталина, всего лишь один, бывший заведующий отделом пионеров ЦК ВЛКСМ В.А. Мускин, работал в центральном аппарате. Остальные названные в записке комсомольские функционеры, такие как бывший секретарь Кировского крайкома ВЛКСМ Г.Е. Урин, бывший второй секретарь Горьковского крайкома ВЛКСМ Б.И. Ловен или бывший секретарь ЦК комсомола Туркмении А.К. Курылев, хотя и принадлежали к слою высокопоставленных комсомольских работников, но в то же

время не являлись представителями высшей номенклатуры комсомола, и их арест был для Косарева пусть и неприятным, но в личном плане не опасным фактом. Находясь на периферии страны и не будучи вхожим в «ближний круг» руководства, они, скорее всего, мало знали о своем «шефе» такого, что могло бы навредить ему, вряд ли они вообще удостоивались чести вести с ним разговоры, выходявшие за рамки чисто служебных отношений. Так что Косареву можно было не опасаться того, что НКВД выбьет из них сведения, которые могли бы подорвать его позиции внутри партии или поставить под угрозу его жизнь.

Чувствовал ли он, что его попытки обыграть Сталина, настоящего мастера закулисных интриг, были очень опасным занятием, начинавшим все сильнее раздражать вождя? Если и нет, то встреча 21 июля 1937 г. стала моментом прозрения. Сталин не мог допустить, чтобы кто-то в стране, кроме него самого, был безгрешным и всепонимающим. Косарев должен был своими руками разрушить выстроенную им легенду о своей «большевистской бдительности»; он должен был с открытой трибуны покаяться в своих «ошибках» и признать тот факт, что не только где-то на периферии, а в самом сердце комсомольского руководства, в непосредственной близости от него, существовало «разветвленное вражеское гнездо», им не замеченное, разоблачить которое помог ему только «гений» Сталина.

Аресты среди высшего комсомольского руководства, проведенные в начале июля 1937 г., коснулись впервые с начала террора близких Косареву людей. Среди арестованных были секретари ЦК ВЛКСМ Д.Д. Лукьянов и Е.Л. Файнберг, уже упоминавшийся главный редактор «Комсомолки» и протезе Косарева Владимир Бубекин (Косарев знал Бубекина с середины 1920-х гг., познакомился с ним в бытность свою секретарем Пензенского губкома комсомола, где Бубекин возглавлял политпросвет [27, с. 222]), а также С.А. Салтанов, второй секретарь ЦК ВЛКСМ с декабря 1929 по апрель 1936 г., т.е. фактически заместитель Косарева, ставший после своего ухода из комсомола руководителем группы Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б). Скорее всего, 21 июля Ежов в Кремле зачитывал показания именно этих людей, а не бывшего секретаря Саратовского обкома комсомола Назарова, как утверждает в своих мемуарах Пикина. Учитывая то обстоятельство, что Назаров был снят со своего поста как не справившийся с руководством по решению ЦК ВЛКСМ еще в декабре 1936 г. (в статье под названием «Плоды негодного руководства», опубликованной в «Правде» 28 декабря 1936 г., особо подчеркивалось, что именно ЦК комсомола «распутал весь клубок безобразий» и убрал «прогнившее руководство» Саратовского обкома комсомола)¹⁵, сам факт возмущения Косарева и Пикиной по поводу снятия и ареста Назарова иначе, как выдумкой, назвать трудно. У руково-

¹³ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 43. Л. 1–10.

¹⁴ Там же. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1211. Л. 70–71.

¹⁵ *Восходов И., Голиков В.* Плоды негодного руководства. О работе Саратовского обкома комсомола // Правда. 1936. 28 дек.

дителей комсомола не было никакой логической причины возмущаться в присутствии Сталина, беспокоясь о судьбе Назарова, которого они сами же «подвели под монастырь». Назаров был исключен из комсомола «за связь с врагами народа» 28 июня 1937 г. и в этот же день арестован [7, с. 362].

Трудно себе представить, чтобы Косарев или тем более стоявшая на иерархической лестнице на две ступени ниже его Пикина, позволили себе в присутствии высшего руководства страны не соглашаться со сталинской аргументацией или поставить под сомнение «правдивость» предъявленных Ежовым «показаний». «Вождь» требовал от комсомольского генсека прилюдно покаяться в своих грехах; его приказ «возглавить» борьбу с «врагами народа» в комсомоле заставлял Косарева уничтожать воспитанные им кадры, а присутствовавшие при этой встрече Пикина и Горшенин должны были «помочь» ему в этом. Прекрасно понимая сложившуюся ситуацию, подрывавшую его авторитет как «непоколебимого борца» за чистоту комсомольских рядов, Косарев был, наверняка, сильно взволнован. По свидетельству его вдовы – Марии Нанейшвили, он, придя домой, хмуро сказал: «Что делать? Сталин требует людей, он требует голов... Кого я могу назвать? Где враги?» [21, с. 27].

Но сомнения и угрызения совести, если таковые и были, прошли довольно быстро, тем более что Косарев прекрасно понял, что он начал терять доверие Сталина. Доказательством этого, пока еще латентного, недоверия, может служить принятое незадолго до открытия IV пленума ЦК ВЛКСМ постановление Политбюро от 19 августа 1937 г., согласно которому Кагановичу, Жданову и Маленкову поручалось «иметь наблюдение за работой пленума ЦК комсомола и помочь пленуму своей руководящей работой»¹⁶. И хотя материалов IV пленума ЦК ВЛКСМ почти не сохранилось, нетрудно себе представить, в чем должна была заключаться «помощь» ближайших соратников «вождя», проявивших себя в похожих ситуациях агрессивными и безжалостными проводниками сталинской политики [24, р. 85]. Особый интерес вызывает пункт второй постановления от 19 августа, согласно которому Косарев был обязан «предоставить основные положения докладов на пленуме ЦК ВЛКСМ на предварительное рассмотрение» назначенной наблюдать за ним тройцы¹⁷. Более очевидной демонстрации недоверия Сталина к своему «ученику» трудно себе представить.

Косарев сделал все от него зависящее, чтобы больше не раздражать диктатора и постараться вернуть себе его расположение. Его речь на IV пленуме и его поведение после его окончания были очень жесткими и соответствовали тому, чего ожидал от него Сталин. И в то же время он начал еще осенью 1937 г. высказывать, пусть и очень осторожно, опасения, что размах репрессий, буквально парализовавший комсомол, грозил непредсказуемыми последствиями для дальней-

шего развития всего молодежного движения в СССР (см. к примеру доклад Косарева Сталину от 3 октября 1937 г. о результатах своей служебной поездки в Донецк и Харьков¹⁸). Вплоть до ареста в конце ноября 1938 г. позиция Косарева по поводу репрессий колебалась между беспощадными разоблачениями «врагов» и «самостраховщиков» и стремлением не допустить окончательного уничтожения властной вертикали в комсомоле, на выстраивание которой он потратил столько усилий.

В связи с этим интересно отметить следующее. Несмотря на то, что разговор у Сталина, состоявшийся 21 июля 1937 г., был не из самых приятных для вожака комсомола, его непосредственные результаты имели для него не только отрицательные последствия. Уже через десять дней, 31 июля 1937 г., Косарев был снова на приеме у «вождя», на этот раз без Пикиной, но в сопровождении Павла Горшенина, который также присутствовал на встрече 21 июля 1937 г., но странным образом, судя по воспоминаниям Пикиной, за все время «беседы» не произнес ни слова. На этот раз в кабинете Сталина находилось не только почти все Политбюро, но и представители военных ведомств – начальник Политуправления РККА и заместитель наркома обороны СССР П.А. Смирнов, заместитель наркома обороны СССР и командующий советской авиацией Я.И. Алкснис и др. [12, с. 216–217]. А еще через месяц, в сентябре 1937 г., Горшенин, курировавший в ЦК комсомола вопросы оборонно-массовой работы среди молодежи [28, с. 78], был произведен в комбриги и назначен председателем Центрального совета Осоавиахима [29, с. 47]. И хотя за неимением документальных материалов нельзя утверждать с абсолютной уверенностью, что встречи в Кремле и назначение Горшенина на столь высокую должность находились в прямой взаимосвязи, существует целый ряд косвенных доказательств, подтверждающих эту гипотезу.

Во-первых, Косарев уже давно «точил зуб» на «старое» руководство Осоавиахима во главе с комкором Р.П. Эйдманом. Еще 19 января 1937 г. он направил Сталину и секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву (копию Н.И. Ежову) докладную записку о «неудовлетворительном состоянии» кадров Осоавиахима, в которой выдвигалось предложение «просить» ЦК ВКП(б) назначить «комиссию по проверке всех кадров Осоавиахима»¹⁹.

Во-вторых, Горшенин был для Косарева больше чем подчиненный. Уже после снятия последнего с поста комсомольского генсека в конце ноября 1938 г. в сообщениях «бдительных» комсомольских работников не раз подчеркивалось, что отношения Косарева с Горшениным, арестованным незадолго до этого, в конце октября 1938 г., выходили за рамки чисто служебных²⁰. Да и на самом VII пленуме ЦК ВЛКСМ от-

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1161. Л. 119.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1212. Л. 1-6.

¹⁹ Там же. Д. 1210. Л. 44–46.

²⁰ Там же. Д. 1287. Л. 123.

крыто говорилось о дружбе между двумя секретарями, выражавшейся, в частности, в совместных поездках на рыбалку²¹.

В-третьих, Косарев прилагал немало усилий для протектирования «своих» людей. В объяснительном письме Т. Николаевой от 26 ноября 1938 г. руководителем Особого отдела ЦК ВЛКСМ сообщалось, что ее бывший шеф (Косарев) «шупальцы своей, по меньшей мере непартийной, работы протягивал и в Наркомпрос, и в физкультуру, и в ОСО (Осоавиахим. – П.К.), а может быть и еще куда – я не знаю»²². И хотя все письмом буквально пропитано стремлением Николаевой как можно быстрее открититься от своего впавшего в немилость начальника, в фундированности процитированного выше высказывания сомневаться не приходится. Так, Косареву удалось провести на пост председателя Высшего совета по физкультуре и спорту в 1936 г. члена ЦК ВЛКСМ И.И. Харченко, устроить бывшего сотрудника аппарата ЦК ВЛКСМ И.М. Визгалова на должность помощника начальника 12 отделения 3 отдела НКВД СССР²³, а уже упоминавшийся выше Салтанов был, скорее всего, не без участия Косарева назначен руководителем группы Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б). Так что само по себе назначение Горшенина по протекции Косарева представляется вполне логичным и в какой-то степени обыденным явлением.

И, наконец, то, что между посещением сталинского кремлевского кабинета и назначением Горшенина на пост председателя Центрального совета Осоавиахима прошло чуть больше месяца, можно легко объяснить, если учесть, что в конце августа 1937 г. прошел уже упоминавшийся IV пленум ЦК ВЛКСМ, на котором Косарев подверг и себя, и всю деятельность комсомола под своим руководством жесткой критике. Назначение Горшенина на высокий пост было «ложкой меда», призванной подсластить бочку дегтя под названием «самокритика», в которую Косарев был вынужден окунуться по воле «лучшего друга советской молодежи». Интересно, что выступление Горшенина на IV пленуме с требованием снять Косарева с поста генерального секретаря ЦК ВЛКСМ, не поддержанное другими участниками пленума [28, с. 78], серьезно не было воспринято ни самим Косаревым, ни присутствовавшими при этом членами Политбюро. На VII пленуме в ноябре 1938 г. Маленков заявил по данному поводу, обращаясь напрямую к Косареву и намекая на критику, высказанную Горшениным в его адрес на IV пленуме, что «с человеком, который в одну кучу с врагами свалить хотел, вы дружили, как-то не вяжется это»²⁴. Вероятно, критические высказывания Горшенина в августе 1937 г. по поводу Косарева должны были продемонстрировать Политбюро и лично Сталину преданность уже бывшего секретаря ЦК ВЛКСМ (Горшенин выбыл

официально из состава секретариата ЦК ВЛКСМ как раз в августе 1937 г.) руководству партии, а не шефу комсомола. Спасти от репрессий этот шаг Горшенину не помог. Примерно за месяц до ареста Косарева он сам был арестован, а расстрелян 25 февраля 1939 г. – через два дня после расстрела своего бывшего патрона и друга.

А.В. Косарев был далек от роли послушного «винтика» в сложной машине под названием «сталинизм». Верный сторонник и ученик вождя, он в то же время старался проводить собственную политику, которая далеко не всегда совпадала с желаниями Сталина. И, скорее всего, именно эта относительная самостоятельность привела в конечном счете к тому, что Косарев погиб от рук системы, в правильности которой он, по крайней мере в открытую, никогда не сомневался.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Hildermeier M.* Geschichte der Sowjetunion 1917–1991. Entstehung und Niedergang des ersten sozialistischen Staates. 2. Aufl. München, 2017. 1348 p.
2. *Fisher R. T.* Pattern for Soviet Youth. A Study of the Congresses of the Komsomol, 1918–1954. New York, 1959. 452 p.
3. *Полякова Д., Хорунжий В.* «Отклонялся от генеральной линии» // Возвращенные имена. М., 1989. Т. 1. С. 265–295.
4. *Полякова Д., Хорунжий В.* Александр Косарев. «Совесть моя чиста» // Реабилитирован посмертно. М., 1988. Т. 1. С. 369–390.
5. *Сидорский Л.* Слово о Косареве // Аврора. 1988.
6. *Трущенко Н.В.* Косарев. М., 1988. 399 с.
7. *Криворученко В.К.* В тисках сталинщины: трагедия комсомола. М., 1991. 398 с.
8. *Криворученко В.К., Пеньковский Д.Д.* Комсомолу девяносто. В поисках истины его истории. М., 2008. 470 с.
9. *Криворученко В.К.* Молодежь, комсомол и общество 30-х годов XX столетия: к проблеме репрессий в молодежной среде. Электронное издание. М., 2011. 166 с.
10. *Криворученко В.К.* Александр Косарев: трагедия судьбы // Молодой коммунист. 1990. № 6. С. 60–68.
11. *Ликина В.* Годы совместной работы / Александр Косарев: сб. воспоминаний. М., 2003. С. 113–125.
12. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.) / под ред. А.А. Чернобаева. М., 2008. 783 с.
13. *Kaiser P.* Das Schachbrett der Macht. Die Handlungsspielräume eines sowjetischen Funktionärs unter Stalin am Beispiel des Generalsekretärs des Komsomol Aleksandr Kosarev (1929–1938). Stuttgart, 2017. 1172 p.
14. *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии. 1936–1938 гг. М., 2010. 430 с.
15. *Weber H., Mählert U.* (Hrsg.). Verbrechen im Namen der Idee: Terror im Kommunismus 1936–1938. Berlin, 2007. 342 p.
16. *Hedeler W.* Chronik der Moskauer Schauprozesse 1936, 1937 und 1938. Planung, Inszenierung, Wirkung. Berlin, 2003. 695 p.
17. *Getty J. A., Naumov O. V.* The Road to Terror. Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939. New Haven; London, 1999. 635 p.
18. *Vasil'ev V.* The Ukrainian Politburo, 1934–1937 // The Nature of Stalin's Dictatorship: the Politburo, 1924–1953 / ed. by E.A. Rees. Basingstoke, 2004. P. 168–199.
19. *Rogovin W.S.* 1937. Jahr des Terrors. Essen, 1998. 591 p.
20. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 10. С. 3–28.
21. *Головков А.* Не отрекаясь от себя // Огонек. 1988. № 7. С. 26–29.

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 351. Л. 153–154.

²² Там же. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1298. Л. 2–13.

²³ Там же. Д. 1297. Л. 116.

²⁴ Там же. Ф. 17. Оп. 120. Д. 351. Л. 153–154.

22. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 11–12. С. 3–23.

23. *Goldman W. Z.* Terror and Democracy in the Age of Stalin. The Social Dynamics of Repression. Cambridge, 2007. 274 p.

24. *Jo J.* Soviet Trade Unions and the Great Terror // Stalin's Terror Revisited / ed. by M. Ilič. Basingstoke, 2006. P. 68–89.

25. Разгромить без остатка вражескую агентуру в комсомоле // Юный коммунист. 1937. № 7. С. 1–5.

26. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г. Документы и материалы / под ред. Н.С. Тарховой. М., 2008. 622 с.

27. *Рябов В.В., Артемов А.А.* Александр Косарев – секретарь Пензенского губкома комсомола // Позывные истории. М., 1982. Вып. 7. С. 220–228.

28. *Зенькович Н.А.* Самые румяные вожди. Энциклопедия комсомольских карьер. М., 2008. 508 с.

29. Строка в биографии. Секретари и члены Бюро Центрального комитета комсомола, вожаки пионерии, председатели КМО СССР, первые секретари ЦК ЛКСМ союзных республик. М., 2003. 175 с.

REFERENCES

1. *Hildermeier M.* The History of the Soviet Union 1917–1991. Creation and decline of the first socialist state. 2nd ed. Munich, 2017, 1348 p. (In Germ.)

2. *Fisher R.T.* Pattern for Soviet Youth. A Study of the Congresses of the Komsomol, 1918–1954. New York, 1959, 452 p.

3. *Poljakova D., Khorunzhij V.* „He deviated from the general line“. *Vozvrashchennye imena*. Ed. by A. Proskurin. Moscow, 1989, vol. 1, pp. 265–295. (In Russ.)

4. *Poljakova D., Khorunzhij V.* Aleksandr Kosarev. „My conscience is clear“. *Reabilitirovan posmertno*, ed. by F.A. Karmanov. Moscow, 1988, vol. 1, pp. 369–390. (In Russ.)

5. *Sidorskiy L.* A word about Kosarev. *Avrora*, 1988, no. 10, pp. 21–30. (In Russ.)

6. *Trushchenko N.V.* Kosarev. Moscow, 1988, 399 p. (In Russ.)

7. *Krivoruchenko V.K.* In the vice-like grip of the Stalinism: Komsomol tragedy. Moscow, 1991, 398 p. (In Russ.)

8. *Krivoruchenko V.K., Penkovskiy D.D.* The Komsomol turns ninety. In searching for the truth of his History. Moscow, 2008, 470 p. (In Russ.)

9. *Krivoruchenko V.K.* The youth, the Komsomol and the society of the 1930s. On the problems of repressions among the youth. Moscow, 2011, 166 p. (In Russ.)

10. *Krivoruchenko V.K.* Aleksandr Kosarev: a cruel fate. *Molodoy kommunist*. 1990, no. 6, pp. 60–68. (In Russ.)

11. *Pikina V.* The years we worked together. *Aleksandr Kosarev. Sbornik vospominanij*. Moscow, 2003, pp. 113–125. (In Russ.)

12. *Chernobaev A.A. (ed.)* In Stalin's office. The lists of persons visiting Stalin in his Kremlin office (1924–1953). Moscow, 2008, 783 p. (In Russ.)

13. *Kaiser P.* The chessboard of power. The scope of action of a Soviet functionary in the time of Stalin as exemplified by the life and career of Aleksandr Kosarev, Komsomol General Secretary (1929–1938). Stuttgart, 2017, 1172 p. (In Germ.)

14. *Khaustov V., Samuelson L.* Stalin, NKVD and the mass terror, 1936–1938. Moscow, 2010, 430 p. (In Russ.)

15. *Weber H., Mählert U. (eds.)* The crimes in the name of an idea: the terror in the Communism 1936–1938. Berlin, 2007, 342 p. (In Germ.)

16. *Hedeler W.* The chronicle of the Moscow show trials 1936–1938. Planning, stage-managing and repercussions. Berlin, 2003, 695 p. (In Germ.)

17. *Getty J. A., Naumov O. V.* The Road to Terror. Stalin and the Bolsheviks self-destruction, 1932–1939. New Haven, London, 1999, 635 p.

18. *Vasil'ev V.* The Ukrainian Politburo, 1934–1937. *The Nature of Stalin's Dictatorship: the Politburo, 1924–1953*. Ed. by E.A. Rees. Basingstoke, 2004, pp. 168–199.

19. *Rogovin W. S.* 1937. The year of the terror. Essen, 1998, 591 p. (In Germ.)

20. The records of the February–March plenum of the CPSU Central Committee. *Voprosy istorii*. 1995, no. 10, pp. 3–28. (In Russ.)

21. *Golovkov A.* Without repudiating oneself. *Ogonek*, 1988, no. 7, pp. 26–29. (In Russ.)

22. The records of the February–March plenum of the Central Committee of the CPSU. *Voprosy istorii*. 1995, no. 11–12, pp. 3–23. (In Russ.)

23. *Goldman W. Z.* Terror and Democracy in the Age of Stalin. The Social Dynamics of Repression. Cambridge, 2007, 274 p.

24. *Jo J.* Soviet trade unions and the great terror. *Stalin's Terror Revisited*. Ed. by M. Ilič. Basingstoke, 2006, pp. 68–89.

25. The enemy agents in the Komsomol must be exterminated completely. *Yunnyy kommunist*. 1937, no. 7, pp. 1–5. (In Russ.)

26. *Tarchova N.S. (ed.)* The military council of the people's Commissar of defense of the USSR on 1–4 June 1937 and other documents. Moscow, 2008, 622 p. (In Russ.)

27. *Ryabov V. V., Artemov A. A.* Aleksandr Kosarev as secretary of the Penza Komsomol provincial committee. *Pozyvnye istorii*. Moscow, 1982, vol. 7, pp. 220–228. (In Russ.)

28. *Zen'kovich N. A.* The youngest leaders of the Soviet country. Encyclopaedia of the Komsomol functionaries. Moscow, 2008, 508 p. (In Russ.)

29. Only a line in a biography. Secretaries and members of the Bureau of the Central Committee of the Communist Youth League, leaders of the Young Pioneers, and the First Secretaries of the Central Committees of the Communist Youth Leagues of the Soviet Union's republics. Moscow, 2003, 175 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 14.01.2019